

Вечное свидание

Автор:

Татьяна Устинова

Вечное свидание

Татьяна Витальевна Устинова

Русский бестселлер

После истории с убийством Маруся отправляется в отпуск – на дачу к тетке. Гриша едет с ней. И все вроде бы хорошо, но два обстоятельства омрачают Марусин отдых: Гриша не обращает на нее никакого внимания, а вздорный сосед то и дело затевает скандалы со всеми окружающими. Валерик действует дачникам на нервы и одним прекрасным утром оказывается... убитым. Кому из соседей на самом деле могло прийти в голову расправиться со скандалистом?.. Гриша и Маруся пытаются это выяснить. Подозрение участкового падает на Гришу, а этого просто не может быть, и нужно спасти и защитить его – так думает Маруся и сама попадает в ловушку, которая грозит ей неминуемой гибелью...

Отпуск на даче превратится в настоящее приключение, и герои получат неожиданную награду – любовь. Их детская дружба обернется другим, сильным и взрослым чувством, и многое из того, чего они не понимали раньше, станет простым, понятным и прекрасным...

Татьяна Витальевна Устинова

Вечное свидание

© Устинова Т. В., 2018

* * *

Маруся распахнула обе створки окна, пристроила локти на подоконник и подпёрла руками щёки.

Хорошо!.. Лето хоть и закончилось почти, но всё равно солнышко припекает, пахнет укропом – судя по всему, тётя Лида собирается сегодня помидоры закатывать, – у соседей музыка играет, негромкая, мелодичная, где-то ветки жгут, дымком тянет.

На скамейке под окном стояла корзина с яблоками, сверху был пристроен пыльный кабачок. Маруся перевесилась из окна, громко засопела от неудобного положения, покопалась в корзине, выбрала яблоко получше. Угнездилась на подоконнике с ногами – романтическим образом, – подумала, с какой стороны приняться, и надкусила. Яблоко оказалось сочным, хрустким, сок потёк по подбородку. Такие яблоки бывают только в августе или в начале сентября. Ни ранние – мягкие, слабые, с рыхлой мякотью, ни поздние – крепкие, твёрдые, как будто суховатые, с этими, августовскими, не сравнятся!..

Маруся жевала яблоко и любовалась тётиним садом. Лидия Витальевна очень любила цветы, но сажала их не как все – на клумбах, – а прямо в траву. Получалось очень красиво!.. Зелёная лужайка, а посередине вдруг островок жёлтых роз, дальше георгины на высоких и твёрдых ногах, а за ними астры – краски, как на картинах импрессионистов, и ещё какие-то розовые цветы, которые тётя называла «разбитое сердце». Они и вправду были похожи на розовые сердечки. В университете, где Маруся преподавала французский язык, девчонки наклеивали на тетрадки точно такие сердечки, только непременно блестящие.

– Встала? – прокричала откуда-то тётя Лида. – Наконец-то! Умывайся, завтракай и выходи!.. Я укроп срезаю, сегодня будем помидоры закрывать.

Маруся вздохнула. Ей не хотелось закрывать помидоры.

Она со всех сторон оглядела остатки яблока, подумала и огрызок тоже сжевала. Во рту стало горько от коричневых блестящих косточек. Так вкусно бывает иногда съесть яблоко вместе с огрызком!

- Отец обещал приехать, - продолжала невидимая тётя. - Ты ему не звонила, будет он?..

- Звонила, - ответила Маруся себе под нос. - Он меня отчитал за то, что я не постирала шторы и теперь дома пылица! А я постирала. Просто у нас всегда пылица.

- Что ты там бормочешь?

- Ничего! - громко сказала Маруся в сторону кустов смородины. - Тётя, а Гриша встал?

- Гриша твой уже давно в Егорьевск уехал за досками.

- Никакой он не мой, - опять себе под нос пробормотала Маруся.

- А?! Громче говори, тут не слышно! Завёл мотоциклётку свою и уехал! Ты у нас одна здорова спать!

Гриша увязался в отпуск за ней, и теперь тётя то и дело попрекала Марусю!.. Гриша то, Гриша сё!.. Он такой деловой да хваткий, а тебе бы только в гамаке валяться! Маруся никак не могла взять в толк, что такое с Гришей случилось!.. Страстью к хозяйственным работам он вроде бы никогда не отличался, а тут вдруг отличился! На весь день находил себе занятия, Маруся его и не видела совсем! То он колодец чистит, то погреб проветривает, а сначала вытаскивает оттуда бочки и ящики, то вдруг взялся колотить загородку для компоста. Тётя Лида всё стенала, что у неё пропадает великолепное «натуральное» удобрение - картофельные очистки, огуречная ботва, гнилые помидоры, капустные листья, скошенная трава, труха, остающаяся после чистки грибов, и прочее, - а из всего этого вышел бы отличный перегной. Гриша выразил готовность сейчас же соорудить ящик для «отличного перегноя», и пожалуйста - укатил в Егорьевск!.. А до него неблизко, значит, приедет не скоро.

... Вот тебе и друг детства! Маруся-то надеялась, он специально поехал, чтобы она не скучала на даче, а он, оказывается, поехал, чтобы ящики колотить и грядки копать!..

Ещё она немного надеялась на... романтическую историю, пусть это и смешно: друг детства и романтическая история несовместимы решительно, но у неё никогда не было вовсе никаких таких историй, и хотелось хоть какую-нибудь малюсенькую, кособокую, хоть бы и с другом детства. Тем более что лучшая подруга Даша выходит замуж и прожужжала Марусе все уши, что, мол, пора, пора!..

Маруся и сама понимала, пора – двадцать четыре года, а дело ни с места, – но откуда же взять кавалеров, если нету их?! Нет, и всё тут! Те, что нравились Марусе, не обращали на неё никакого внимания. Те, которые время от времени предлагали ей свидания, были сомнительны и, с её точки зрения, никуда не годились, что уж говорить о папе!.. С его точки зрения, ни один кавалер не достоин Маруси, не родился ещё достойный. Отец мог вынести только Гришино присутствие в жизни дочери, да и то только потому, что Гриша был «порядочный» – инженер, аспирантуру окончил, денег никаких, зато благородная работа в научном институте. Кроме того, Гриша присутствовал в Марусиной жизни с рождения, и даже папа-ретроград понимал, что друг детства не опасен для дочки.

Маруся сердито вздохнула и затопала босыми пятками по чистым доскам пола. Решено было в отпуске ни о чём таком – неприятном или невозможном, например, о женихах или о том, чтоб зарплату прибавили, – не думать, но думалось то и дело!..

В тесной кухоньке, где готовили в основном зимой или когда надолго заряжали дожди, а в хорошую погоду только на улице, Маруся налила себе в пиалу простокваши, взяла горсть вишен из кастрюли, пересчитала отмытые до блеска трёхлитровые банки – их оказалось двадцать семь, – сразу соскучилась, вышла в сад и уселась на лавочку. Съела вишню, выплюнула косточку и пересела в качалку, так, чтобы видеть лес за штакетником.

Когда делили участки и тянули жребий, дедушке достался самый плохой – у кромки леса, и бабушка потом долго убивалась, зачем она сорок лет назад вышла за дедушку замуж, если он такой неприспособленный, даже участок нормальный не может обеспечить! Прошли годы, и оказалось, что их участок –

самый лучший, самый прекрасный. Двумя сторонами участок глядел в лес, сразу за забором начинались берёзы, высокая трава, в которой качались жёлто-фиолетовые соцветия иван-да-марьи, попадалась земляника, и с июня начинались белые грибы, по одному-два, но набрать на суп, самый первый, самый вкусный, можно было всегда. За берёзами невысокая горушка, на которой стояла деревня, сваливалась в лес, и тропинка выбегала к речке Северке, очень быстрой и даже в июле совершенно ледяной. Гриша каждое утро бегал купаться, а Маруся ленилась и за пять дней ещё ни разу не сходила.

Маруся ела простоквашу и вишни, смотрела, как качаются берёзы, слушала, как они шумят – с едва уловимым металлическим брюзжанием, – думала, что вот и кончилось лето!.. А она и не заметила. Тёплые дни наверняка последние, и эта вишня тоже последняя, поздняя, следующей ждать и ждать целую осень, зиму и весну ждать.

...Всё время приходится чего-то ждать: следующего лета, прибавки к зарплате, большой любви. Всё время получается, что самое настоящее впереди, а нынешнее – так, ожидание, бессмысленное, как сидение в очереди. Всё время получается так, что, когда будущее становится настоящим, оно оборачивается ненастоящим, и нужно снова сидеть и ждать – Нового года, интересной работы, большой любви...

Маруся нахмурилась. Решено было в отпуске ни о чём таком не думать, а думалось всё время, и отпуск вот-вот кончится, а она ещё ни разу не сходила на речку!..

За углом дома заговорили громко, раздражённо, и Маруся поняла, что явился Валерик, сосед, с которым тётя то и дело ссорилась. С Валериком постоянно ссорилась вся деревня.

...Когда-то эти участки были деревней, потом из неё все уехали – кто в Москву, кто в Егорьевск и Воскресенск, – а землю раздали дачникам. Марусе нравилось, что у них дача в деревне, а не в садовом кооперативе посреди чистого поля!..

– А я тебе сказал, снимай! – кричали из-за угла. – Или я сам кран вызову, они живо открутят!

– Да угомонишься ты когда-нибудь или нет?! – возражала Лидия Витальевна тоже очень активно. – Сколько раз сказано, я плачу! Плачу я за свет!.. И за этот тоже!..

Маруся поставила пиалу в траву, поднялась и пошла спасать тётю от нашествия татарского ига.

У забора тётя Лида в бейсболке, мятой майке и обрезанных по колени джинсах потрясала укропным веником перед носом плотного моложавого мужика, грудью налегавшего на штакетник. Казалось, ещё чуть-чуть, и под его весом забор завалится. Мужик пылал от негодования и был красен как рак.

Саня, деревенский оболтус, слезши с велосипеда, наблюдал с той стороны улицы, но не приближался.

– Я ещё когда говорил, чтобы ты эту фиговину свою отвинтила! – наддавал Валерик.

– Да иди ты к чёрту, – энергично отвечала тётя Лида, – у меня без фонаря на участке темень хоть глаза выколи!

– А мне плевать, чего у тебя на участке. – Мужик ещё сильнее навалился на забор. – Я за твой фонарь должен платить?! Я?!

– Тётя! – окликнула Маруся негромко. Лидия Витальевна оглянулась и махнула на неё рукой – уходи, мол, не встречай – и продолжала перепалку:

– Да ты глаза-то свои разуй, посмотри, куда кабель идёт! В дом он идёт, вон изоляторы белые! К счётчику идёт! Не ворую я электричество!..

– А откуда я знаю! Может, он фальшивый!

– Кто фальшивый?!

– Кабель этот твой! Может, он для виду сделан, а не по-настоящему!

– Да ты с ума, что ль, сошёл совсем?! Фальшивый! Зайди и посмотри!

– Не стану я смотреть! А фонарь твой завтра скручу и вон в овраг кину! Так и знай!

– Да я на тебя заявление напишу за хулиганство!

– А это пожалуйста! Это сколько угодно! На меня кто только не писал, а теперь они все знаешь где, знаешь?! Вот тебе, а не заявление! – гаркнул Валерик и сунул тётке Лиде под нос здоровенную фигу. – Карга старая, курица драная! Мозга нету, а туда же, заявление она напишет! Климакс у тебя? Таблетки принимай, а то в одном месте свербит небось!..

Тётя размахнулась – Маруся взвизгнула и кинулась к ней – и хлестанула Валерика укропным венником, сначала справа налево, а потом слева направо. Сухой укропный зонт зацепился за Валеркино ухо и повис, семечки обсыпали его потную физиономию, он взвыл, кинулся на забор и схватил Лидию за волосы.

Маруся подскочила и стала толкать его в плечи. Валерик не сдавался, Лида молча боролась, а племянница вопила:

– Отстань от неё!! Отстань сейчас же! Уходи! Пошёл вон!..

На дороге неожиданно громко засигналила машина, Валерик выпустил тётю Лиду, Маруся сильно его толкнула, он сделал шаг назад и неловко сел в куст шиповника.

Машина проехала мимо.

– Звони участковому, – велела Марусе тётя, тяжело дыша. – Хулиганство и разбой! Звони немедленно!

Маруся выхватила из кармана телефон и стала в него тыкать. Она так перепугалась, что руки тряслись.

– Ну, ты попомнишь, – пригрозил Валерик и выбрался из куста. – Ты у меня, Лидка, в ногах валяться будешь! Сожгу! – заорал он уже с дороги. – Спалю, к чёртовой матери!..

– Давай, давай отсюда! Негодяй, подонок, – пробормотала Лидия Витальевна, подхватила с травы бейсболку, нахлобучила и сморщилась: – Должно быть, полголовы волос выдрал, придурок!..

– Тётя, я не знаю, как звонить участковому, – спохватилась Маруся.

– Да не надо никому звонить, – сказала Лида, морщась. – Он сейчас проорался, теперь недели на три отстанет. Ах, паразит!..

– Да, но так нельзя, он же на тебя... напал!

– Да ничего он не напал, подумаешь, за волосы схватил! Что он может, участковый? Беседу провести? Не станет он никаких бесед проводить, у него других дел навалом! Вон на переезде таксисты с маршруточниками подрались, и все как один эти... гости с юга!.. Где участковому наши дрызги разбирать...

Тётя Лида оглядела свой веник, сняла с забора застрявший пучок укропа, вздохнула и покачала головой:

– Такой характер поганый, – сказала она задумчиво. – Никому житья не даёт! Фонарь наш ему мешает, электричество мы ворует, видите ли! Как же! Всё через счётчик идёт, а ему неймётся, паразиту!.. Пацанов с поля разогнал, они там в футбол всё лето гоняли, нет, втемяшилось ему, что шумят очень и пыль от них!.. Да ладно бы просто разогнал, так он с ворот сетку срезал! А сетку Прокопенко на свои деньги покупал, он мужик серьёзный, не то что Валерик, пустобрёх!..

– Да кто он такой, Валерик этот?

– А шут его знает. Они и не ездят сюда почти. А как приедут, так сразу свары у нас начинаются. Жена-то только на выходные бывает, а он тут торчит, всех жизни учит!.. Шлагбаум какой-то собирается ставить, чтоб по дороге проезда не было, мол, мимо его участка все машины идут, выхлопные газы, для здоровья вредно. Нет, ты можешь себе представить?! Из Москвы приезжает, и здесь ему – газы! И сидел бы себе в Москве, там небось никаких газов нету!..

– У тебя с той стороны волосы вырваны!.. – ужаснулась Маруся.

Лида потрогала голову и опять сморщилась – больно.

– А может, и напишу заявление, – вдруг вспылила она. – До чего дошло, рукоприкладство, да ещё оскорбления!

Маруся негодовала изо всех сил, сочувствовала тётке и очень убедительно говорила, что нужно непременно обратиться в полицию, так это нельзя оставить. Попутно она сердилась на Гришу, который уехал и не знает, что на них тут напали.

Хотя... с другой стороны... если вдуматься... Гриша вряд ли смог бы помочь. Он человек мирный, интеллигентный, в очках. Несколько трусоват. Ну, стоял бы рядом и повторял: «Прекратите безобразия!» И она, Маруся, в нём бы окончательно разочаровалась. Пока ещё не окончательно, в смысле, компостного ящика вместо романтических прогулок, а после сцены с Валериком наверняка разочаровалась бы по-настоящему.

Конечно, он очень помог ей, когда она решала головоломную задачу, связанную со странной смертью странного человека в планетарии – этот человек умер почти у неё на глазах, – но впоследствии все её ожидания и надежды потерпели крах. Гриша, уже почти было ставший её героем, как-то сдулся, вроде резинового тигра Васьки, с которым они в детстве плавали в Северке, и сколько его ни заклеивали, он всё равно сдувался моментально. А Марусе очень хотелось... героя. Не придуманного, не слепленного из разных – хорош, как артист, умен, как писатель, шутив, как телевизионный ведущий, – а подлинного, натурального, чтобы всё в одном, и этим одним-единственным чтобы можно было гордиться!..

Подавая тётке Лиде длинненькие крепенькие помидорчики, которая та сосредоточенно упихивала в блестящую банку, Маруся громко вздыхала – специально громко, чтобы тётка спросила, о чём она вздыхает.

Лида долго не спрашивала.

Рассол перекипал в большой кастрюле, пахло уксусом, укропом, смородиновым листом. Уже готовые закатанные банки стояли вверх дном вдоль стены, и ещё пустые громоздились на столе под чистым полотенцем, а Маруся всё вздыхала.

- Ты не огорчайся, - в конце концов сказала тётя Лида. - Я понимаю, Валерик кому хочешь настроение испортит! Ты, главное, не бойся его. Станет приставать, сразу мне скажи или Грише своему.

- Никакой он не мой, - перебила Маруся. - Тётя, а почему ты замуж не вышла?

- Я?.. - удивилась Лидия Витальевна. - Ну ты спросила!.. Не получилось у меня, вот и все дела.

- А почему у тебя не получилось?

- Ох ты, господи. Не знаю. Не у всех получается. Сначала мне никто не нравился...

«...Мне тоже никто не нравится», - быстро подумала Маруся.

- ...а потом уж и я никому не нравилась.

- Ну почему, почему? Ты же симпатичная! Ты всё умеешь! Я вот даже кашу варить не умею, а ты - всё! Даже баню сама топишь!

- Кашу варить я тебя научу, а замуж берут не за то, что баню умеешь топить, - тётя как следует утрамбовала очередной слой помидоров, - а потому что любят. А когда любят, не имеет значения, умеешь ты кашу варить или, может, стихи писать! Когда любят, ничего не имеет значения. Ну, по крайней мере, так принято считать.

- А тебя никто не любил? Совсем никто?..

Тётя поправила на голове косынку. Перед помидорами она туго повязала голову и Маруся велела тоже повязать.

- Наверное, никто, Марусенька, - сказала она и улыбнулась. - Раз так замуж и не взяли. А что такое, почему ты спрашиваешь? Замуж собралась?

- Меня тоже никто не берёт! - буркнула Маруся.

- Ты ещё молодая, девочка совсем! У тебя всё впереди.

- Да, впереди! Мне двадцать четыре года, а у меня никого нет!

- У тебя Гриша есть.

Маруся даже ногой топнула.

- Тётя! При чём здесь Гриша?! Мы с ним плавали на тигре в Северке! Помнишь, у нас такой надувной тигр был, его звали Васька? Он потом быстро порвался, потому что мы на него с берега прыгали!

- Помню, - сказала Лида и улыбнулась. Улыбалась она замечательно, нежно, лицо сразу становилось молодым, почти девичьим. - Гриша замечательный человек и...

- Да я знаю, что он хороший, - опять перебила её Маруся. - Но не то!

- Не то? - усомнилась Лида.

- Совсем не то!

- А так за тобой ухаживает...

- Это он за тобой ухаживает! За досками уехал! Чтобы оборудовать твой компост! А со мной он дружит! Подумаешь, один раз поцеловались, ну и что?

- Поцеловались, и ничего? - спросила тётя Лида и взглянула племяннице в лицо. - Ничего-ничегошеньки?..

Маруся вспыхнула, как будто её обдало паром из кастрюли с рассолом. Быстро отвернулась и поволокла на стол очередной таз с вымытыми помидорами.

Нет, как ничего?.. Конечно, тогда ей вдруг показалось, что Гриша и есть самый настоящий, единственный, целоваться с ним оказалось немного страшно, но так прекрасно, и от него хорошо пахло, и его ладонь держала Марусину шею, и весь

он был приятный на ощупь, пугающе чужой и вместе с тем абсолютно свой, и это сочетание казалось опасным и притягательным.

- Понятно, - почему-то сказала Лидия Витальевна, рассматривая её. - Ты только не тяни особенно, Маруська. А то ведь он сейчас ждёт, а потом появится какая-нибудь... рыжая бестия и уведёт его. И не вернёшь...

- Тётя!

- Ясное дело, тебе принца надо, - заключила Лида и опять принялась за помидоры. - Беда с вами, с девками. Начитались глянцевого журналов! А там сплошь принцы! Один поёт, другой в театре представляет, третий в хоккей играет, пятому двадцать один год, а он уже миллионер и все миллионы своей головой заработал.

- А это что? Плохо?

- Должно быть, хорошо, только так не бывает.

- Как не бывает?! Теть, но ведь они где-то есть, все эти люди! И они такие интересные, у них жизнь самая... настоящая! - Маруся восторженно улыбнулась. - Они всё успевают, всё могут: и деньги зарабатывают, и путешествуют, и за девушками ухаживают, и подарки им дарят, и в искусстве разбираются. Машины водят, самолётами управляют.

- Я таких не знаю.

- Конечно, не знаешь, я тоже не знаю! Они где-то... не здесь, в другой жизни, а мы тут прозябаем.

- Мы тут живём, - возразила тётя. - И, между прочим, неплохо живём.

- Плохо, - мрачно сказала Маруся, которая поклялась себе ни о чём таком в отпуске не думать, - скучно и глупо. И самое глупое, что вся жизнь пройдёт, а ничего интересного так и не будет. Ну, хорошо, - она швырнула на стол полотенце, - вот, допустим, выйду я замуж, и что?.. Всю жизнь ипотеку выплачивать, за очередь на детский сад биться, на работу двумя троллейбусами

и метро? А по субботам в пробках страдать, чтоб на эту дачу приехать и тут компостную кучу огораживать?!

- Да, - согласилась тётя, - перспектива так себе.

- Ну вот! - возликовала Маруся. - А я хочу не так! Я хочу, чтоб интересно было, чтобы дух захватывало, чтобы каждый день новое и радостное случалось, чтобы...

- Каждый день праздник, - договорила Лида. - Ты только в голове держи на всякий случай, что праздники тебе устраивать никто не обязан, да ещё каждый день. Или тогда ты сама себе их устраивай, никого не привлекай к этому вопросу. Эти мужики, которых в природе нету и про которых журналы врут, они же работать должны день и ночь, от зари до зари. Хоккеист тренируется, артист репетирует, миллионер деньги куёт, а потом стережёт, чтобы не пропали. Не до праздников им. А подарки... Ох, Маруся, бриллиантовое кольцо - отличный подарок, но зонтик - тоже неплохой, особенно когда дождь льёт, а у тебя зонта нету.

- При чём тут зонтик?!

- А мне однажды кавалер зонтик подарил. Я на остановке под крышей пряталась, дождь льёт, ну, проливной просто, и не кончается. Я прячусь и думаю, как домой побегу?.. Он со мной вместе из института вышел, вроде бы провожал меня. Вот мы стояли-стояли, а холодно, осень уже, такая поздняя, седая...

Маруся слушала очень внимательно.

- И я всё сокрушалась, что мне домой надо скорей, мама с работы придёт, а я посуду не помыла, влетит. Он слушал, слушал, а потом побежал через дорогу. Там напротив галантерея была. Я так удивилась! - Тётя засмеялась счастливым смехом. - Думала, он меня бросил, ему совсем в другую сторону надо было, там как раз автобус подошёл. Но он вернулся и принёс мне зонтик, такой шикарный, складной. Они тогда только-только в Москве появились и стоили дорого, да и не во всяком магазине их продавали. А нам как раз стипендию дали. Вот он на этот зонтик почти всю свою стипендию и потратил. Зато я домой пришла как принцесса - под зонтом. Даже у мамы такого не было. Она у меня время от времени его брала поносить. И я ей давала - это же мой собственный зонтик!..

Тётя замолчала и стала заливать огненным рассолом очередную банку.

- А куда он потом делся? - осторожно спросила Маруся. - Тот парень, а не зонт!

- Убили его, - ответила тётя будничным голосом, - девяносто первый год, тогда таких историй сколько угодно было. На футбольном поле, прямо за институтом. Сняли куртку, кожаная куртка у него была, часы, деньги какие-то забрали. Зачем он в тот вечер через поле пошёл, не знаю... Кругом хулиганили, а он пошёл.

- А ты его... любила? - ужаснулась Маруся.

- Я не успела! - сказала тётя Лида с силой. - Я принца себе подыскивала, а он обыкновенный парень был, даже не очень симпатичный. Тогда всякие кооператоры появились, первые коммерческие палатки, магазины, и многие моментально разбогатели, «Жигули» стали покупать. Это такая шикарная машина была, «Жигули» восьмой модели! А он, обыкновенный студент, только и делал, что учился, никаких тебе палаток, никаких «Жигулей»... Маруся! - вдруг громко сказала Лида. - Ты смотри, у нас соль вся вышла! Как это я не рассчитала! Беги скорее за солью, на последнюю партию точно не хватит!..

- Тётя, а потом? Тебя уже больше никто не любил так, как он?..

- Маруся, давай быстрее! Возьми на всякий случай две пачки! У тебя деньги есть?

Маруся поняла, что расспрашивать дальше не стоит. Она задумчиво развязала косынку, сняла с крючка цветастый рюкзачок, купленный по секрету от отца перед самым отпуском в ЦУМе, - знак шикарной жизни и дань глянцевым журналам, - пересчитала в кошельке сотенные бумажки, три тысячи лежали отдельно, под «молнией», сунула ноги в шлёпанцы и отправилась в магазин. Идти было всего ничего, через две улицы.

...И Гриши нету, что ты будешь делать! Она должна немедленно рассказать ему о тёте, она ведь никогда не знала, что в тётиной жизни когда-то случились такие трагические события. Нужно, чтобы Гриша тоже узнал и сказал ей, что делать. Пусть всё это произошло сто лет назад, просто раньше-то Маруся не знала, и тётя Лида должна была справляться сама, одна, а теперь она, Маруся,

как-нибудь ей поможет! Тут слёзы навернулись Марусе на глаза – так жалко стало убитого парня и ту девчонку с зонтом, которой тётя Лида была когда-то. Воображение, которого Марусе было не занимать, моментально нарисовало картину: дождь, осень, автобусная остановка и новенький зонт из галантереи напротив. С тех пор прошла жизнь, которую тётя провела в одиночестве. То есть у неё всегда были Маруся, и её отец, и бабушка с дедушкой, но больше никто и никогда не дарил Лиде зонтов на автобусных остановках.

Из-за углового дома доносились раздражённые голоса, кто-то почти кричал, и Маруся решила было повернуть обратно – она терпеть не могла скандалов, особенно публичных, на людях! – но тогда за солью побежит тётя Лида, помидоры же не бросишь!.. И Маруся, потоптавшись немного, отважно двинулась вперёд. В конце концов ей нужно в магазин, и скандал не может иметь к ней никакого отношения!

У дверей магазина разорялся Валерик – ясное дело! Он животом наступал на маленькую женщину, похожую на кудлатую болонку. Женщина отступала и закрывалась от него пакетом, из которого торчал длинный батон.

– А я тебя предупреждаю серьёзно, Наталья! – кричал Валерик. – Ещё раз замечу твоего пацана возле машины, шкуру спущу, сначала с него, а потом с тебя!

– Да они играли там! – тоненько восклицала женщина. – Чего он тебе сделал?!

– Если б сделал, я бы его, гадёныша, в колодец головой сунул! Нечего ему возле моего дома шастать!

– Да как им не шастать, если твой дом на поле выходит, а они там играют!

– А мне положить, где они играют! Я поле «колючкой» обнесу, чтоб туда не совался никто!

– А оно что, твоё, поле это?!

– А твоё, что ли?!

Маруся подумала, что сейчас Валерик её увидит и набросится, непременно набросится! Ей стало страшно и захотелось убежать.

На той стороне улицы притормозила машина, из неё выбрались супруги Прокопенко.

– Бог мой, опять шум, – сказала жена плачущим голосом. – Опять Валера!..

– Как он мне надоел, – поддержал её муж.

Они были высокие, дородные, положительные, и оба в очках. У неё очки в золотой оправе и широкие, а у него в роговой и узкие.

Когда-то супруги купили у Гришиных родственников их участок, и, несмотря на то что они ни в чём не были виноваты – участок продавался, а они его приобрели, только и всего, – Маруся их недолюбливала. И тётя Лида недолюбливала. Эти люди не могли, не должны были оказаться на том месте, где много лет прожили Гришины бабушка и дедушка, они не имели права сносить беседку и соорудить вместо неё теплицу, они вообще ни на что не имели права, потому что были и остались чужаками.

Гриша никогда не ездил в деревню, чтобы не вспоминать и не видеть, как в доме его детства живут чужие люди, – в этом году в первый раз поехал!.. Маруся думала, что за ней ухаживать, а оказывается, чтобы ладить тёте Лиде забор и соорудить компостный ящик!

– Что вы шумите, – досадливо сказал супруг Прокопенко, приближаясь. – Ну что вам за охота?..

– Никакого покоя от вас нету, – поддержала его жена.

– Покой на том свете всем обеспечен, – с места в карьер накинулся на них Валерик, – а здесь всё по справедливости будет, по-моему!.. Ясно вам?!

Прокопенко насупился, хотел что-то сказать, но Валерик не дал:

– Шпану вашу я разгоню к чёртовой матери! С поля турнул, под окнами у меня никто орать не будет и пыль поднимать!.. А если опять к воротам сетку приладите, я ворота эти к вам во двор приволоку! И тебя, интеллигент, башкой в них суну! Понял, нет?

– Замолчите немедленно, – дрожащим контральто сказала супруга Прокопенко. – Держите себя в руках.

– Па-адумаешь, цаца какая! Сама себя держи, если мужик твой тебя держать не умеет! А щенка твоего, – он обернулся к маленькой женщине, – я утоплю, ты и пикнуть не успеешь!..

Маленькая женщина бросилась на него и стала молотить пакетом, как давеча тётя Лида укропом.

– Посмей только его тронуть, – визжала она, – убью!.. Убью-у-у!..

Валерику только того и надо было!.. Возле магазинного крыльца моментально завязалась потасовка, дурацкая уличная потасовка, в которую оказались вовлечены все, кроме Маруси, которая стояла, прижав к лицу кулаки. Супруг Прокопенко пытался оттащить Валерика от маленькой женщины, но тот изловчился и ткнул кулаком ему в глаз, свалились в пыль очки, на крыльцо выскочила продавщица и завизжала, вообще все женщины визжали – на разные голоса.

– Ах ты, мать честная! – изумлённо сказал кто-то рядом с Марусей, она не поняла, кто именно. Затарахтел мотоцикл, что-то загремело, и возле дерущихся появился Гриша!

– Гришка! – закричала Маруся изо всех сил и бросилась к нему, но он не обратил на неё никакого внимания.

Незнакомый мужик в грязной футболке, заправленной в камуфляжные штаны, схватил Валерика за шиворот, а Гриша за правую руку, так что буян моментально оказался обездвижен и повис вниз головой. Несмотря на такое своё положение, угрозы он продолжал выкрикивать.

Маруся смотрела на Гришу во все глаза.

– Боже мой, боже мой! – стонала супруга Прокопенко. Рукав платья у неё был почти оторван. – Что за кошмар, ужас!

– Пусти! – вопил Валерик и дёргался, как жук, которого насадили на иглу, чтобы поместить в коллекцию. – Убью!

Супруг Прокопенко шарил в песке, искал свалившиеся очки. Маленькая женщина громко плакала, продавщица на крыльце ругалась на чём свет стоит. Солнце светило августовским жёлтым светом, лежали на дороге плотные тени, плыли по небу белые облака с синими днищами, и пахло травой и листьями, и такая красота была вокруг, что безобразие происходящего вдруг по-настоящему ужаснуло Марусю.

– Ты бы язык свой поганый придержал, – негромко посоветовал камуфляжный Валерику и сделал движение коленом. От этого движения Валерик всхрюкнул, захрипел и обмяк.

Как по команде Гриша и камуфляжный его отпустили, Валерик бухнулся лицом в пыль. И остался лежать.

– И руки бы тоже не распускал, – продолжал камуфляжный, наклоняясь над ним, как над упавшим ребёнком. – Хочешь бузить, вали в город, там бузи!

– Справились, да? – отплёвываясь от пыли, проскрежетал Валерик. – Двое на одного?! Я вам попомню, всем попомню!

– Спасибо вам, товарищ, – негромко сказал супруг Прокопенко. – И вам, молодой человек! – Очки у него на носу сидели криво, щека была исцарапана. Он нагнулся над Валериком и погрозил ему толстым розовым пальцем. – А сетку футбольную мы непременно поставим, и дети продолжат свои футбольные занятия!

– Я те продолжу, я те продолжу, – забормотал Валерик, поднимаясь на четвереньки.

Камуфляжный присел перед ним на корточки:

- Ты чего-то недопонял?

Валерик шарахнулся от него, пробежал немного на четвереньках, потом поднялся, придерживаясь рукой за ствол липы.

- Вы меня ещё не знаете, - сказал он из-за липы. - Сволочи, все на одного! Я вас всех... поодиночке... передавлю...

- Вали домой, - посоветовал камуфляжный.

- Марусь, - вдруг удивился Гриша, - а ты чего здесь? Или он к тебе... тоже приставал?!

- Нет-нет, - заспешила Маруся. - Я за солью, мы помидоры закрываем... А тут... он. Он ещё утром на тётю напал, а на меня нет...

Гриша внимательно осмотрел её с головы до ног, как будто хотел удостовериться, что с ней всё в порядке. Потом зачем-то пнул кедом кучу песка, так что песок полетел в сторону Валерика. Тот уходил по улице, оглядывался и всё что-то говорил.

- Сеанс окончен, - объявил камуфляжный. - Расходитесь, девочки и мальчики.

- Морду бы ему набить, а не так отпускать, - задумчиво сказал Саня из-за своего забора. Он подошёл недавно и наблюдал только окончание баталии. - Сволота такая! Ладно бы с бабами базарил, как вон утром с Лидой, а то ведь на дороге «колючку» разбросал, я шину утром пропорол! Это чтоб не ездили мимо него!

- Что вы говорите?.. - ужаснулся Прокопенко, а камуфляжный посмотрел на Саню, как показалось Марусе, с изумлением. - Нужно колёса осмотреть, может, и мы... наехали!

- Я и говорю, - продолжал Саня, - что разобраться надо по-взрослому, а не так!.. Башку ему открутить, да и все дела! Мало ли чего он ещё наделает! В колодец отравы кинет!

- А он может? – перепугалась Прокопенко-супруга.

- Ладно, граждане, не паникуйте раньше времени! – громко посоветовал камуфляжный. Оглянулся на Гришу и неожиданно сунул ему пятерню: – Константин.

- Григорий. А это Маруся.

- Ясное дело, – с необидной насмешкой сказал камуфляжный. – Эх, Маруся, нам ли быть в печали!

- Я не в печали, – пробормотала та.

- Оно и видно. Вы из крайнего дома, что ли?

- Мы у тётки гостим, – сказала Маруся. – А этот гад на неё сегодня напал! За волосы её схватил!

- Парень, ты как это допустил?!

- Да я в Егорьевск ездил, – и Гриша с досадой кивнул на свой мотоцикл. К коляске были привязаны доски.

... Как будто дело только в том, что он ездил в Егорьевск, подумала Маруся. Как будто, окажись Гриша на месте, он бы смог их с тёткой защитить!.. Впрочем, он же схватил за руку этого ужасного Валерика! Никто не решался, а он схватил!

И Маруся покосилась на Гришу.

...Может, и защитил бы! Или нет?..

В сельпо они купили три пачки соли, камуфляжный Константин бутылку водки, и Гриша пригласил его «заходить». Тот пообещал.

- Гриш, – зашептала Маруся, когда они вышли на улицу, – зачем ты его к нам позвал?! Тётя в обморок упадёт, не дай бог, ещё папа приедет! И этот

припрётся!.. Что мы будем делать?

- Садись, - велел Гриша, - поедем.

- Нет, я так дойду, а ты езжай! - перепугалась Маруся и, словно опасаясь, что Гриша может насильно затолкать её на сиденье, побежала по улице.

Маруся терпеть не могла этот самый мотоцикл с коляской! Вот просто ненавидела его! А Гриша обожал. Забожал он его сразу же, как только выкатил из сарая, где мотоцикл куковал с начала девяностых. Когда-то на нём ездили Марусины бабушка и дедушка, это было сказочное, быстроходное и, главное, очень удобное средство передвижения! Бабушка ехала за дедушкиной спиной, а маленькую Марусину тётю сажали в коляску и накрывали кожаным фартуком. Гриша выкатил на свет кособокое пыльное чудовище с этой самой коляской, покрашенной в кастрюльный синий цвет, восхитился и дня два приводил его в порядок. Маруся и тётя Лида были убеждены, что чудовище давно померло от старости и реанимировать его нельзя, и отговаривали Гришу, но не тут-то было! Он установил, что карбюратор «заливает», а свеча не «даёт искру», долго возился, покупал запчасти и привёл всё в порядок. Даже сгонял на велосипеде на заправку и привёз канистру бензина!.. Когда мотоцикл в первый раз захрипел, задёргался, изрыгнул облако синего дыма, а потом взревел и застучал двигателем, Маруся и Лида выскочили во двор и обмерли, не веря своим глазам.

- Он ещё послужит! - перекрикивая мотоцикл, проорал Гриша. - Такая техника!.. Это настоящее всё, Ижевский завод!..

С тех пор Гриша повсюду разъезжал на этой самой «технике» и всё призывал Марусю разделить его восторг, но она не соглашалась ни в какую.

...Это такое убожество, такое унижение - мотоцикл с коляской! Ладно бы просто мотоцикл, пусть старенький, пусть какой угодно! В журналах то и дело печатали фотографии изумительных юношей рядом с потрясающей красоты мотоциклами! Юноши были изящными, утонченными, ухоженными, а мотоциклы brutальными, мощными, хищными, иногда совсем не новыми, они назывались «ретромотоциклы», и ими владельцы особенно гордились! В Марусин университет студенты-москвичи частенько приезжали на мотоциклах и на скутерах, лишь недавно вошедших в моду, и это было так шикарно, по-европейски! Но вот это кастрюльного цвета убожество, да ещё с коляской?!

Чтобы Маруся на него села и чтоб все увидели, что она едет на мотоцикле с коляской?!

Никогда в жизни!..

Гриша не понимал и, кажется, обижался.

Тётя Лида съездила с ним в «дальний лес» за грибами и вернулась счастливая. Пешком до того леса было не пройти, а мотоцикл довёз, да ещё бодро лез в грязь, объезжал поваленные деревья, ни разу не застрял, и грибов они привезли – целую коляску!..

– Как в детстве! – восторгалась Лида. – Гриш, ну какой ты молодец! Будут тебе вечером пироги с грибами!

Пироги с грибами были, и Марусины самые любимые, а на мотоцикл она так ни разу и не села. И не сядет!..

Когда она зашла на участок, Гриша уже таскал из коляски доски, а тётя Лида спрашивала у него, как там дела в Егорьевске и заезжал ли он в мясную лавку. Гриша отдал пакеты и спросил, что было нужно от неё Валерику.

Лидия Витальевна махнула рукой.

– Фонарь наш ему мешает, – сказала она с досадой. – Он считает, что мы государственное электричество ворует!

– Даст ему кто-нибудь по голове, – констатировал Гриша, принимаясь вновь за доски. – Всерьёз.

– Да кто ему даст, Гришенька?! Никто с ним связываться не хочет, все боятся! Такой скандальный мужик, не приведи господи!

До вечера они закрывали банки – после помидоров пришёл черёд перцев, как выражалась тётя Лида. Перцы долго не заканчивались, и Маруся уже падала с ног, когда Лида объявила, что банок больше нет и она сейчас быстренько соберёт ужин.

Маруся понимала, что должна помочь тётке с ужином, но у неё совсем не было сил, ноги на самом деле не держали, подкашивались.

Она накинула на плечи платок и вышла на улицу, где Гриша в сумерках продолжал стучать молотком и пила то и дело взвизгивала.

- Маруся, - велел Гриша, заметив её, - кинь мне переноску, темно уже.

- Может, хватит? - осведомилась Маруся. - Достоишь трудовую вахту завтра?

- Тут и на завтра работы достаточно.

Маруся вздохнула и приволокла тяжёлую уличную переноску с толстым чёрным шнуром. Гриша воткнул вилку в розетку, и над сараем загорелась лампочка.

- Давай хоть на речку сходим, - предложила Маруся. - Днём, когда жарко! Последние дни такая жара стоит, потом дожди зарядят, и всё!

- Днём я занят, - сопя, ответил Гриша. - Давай с утра.

- Утром холодно, - жалобно сказала Маруся, и он опять застучал молотком.

Маруся забралась на забор - сидеть было неудобно, но уж очень она устала стоять - и стала смотреть на Гришу. Вокруг лампочки вились толстые мохнатые мотыльки, тыкались в доски сарая со смачным звуком.

- Хочу на море, - неожиданно сказала Маруся. - Почему все ездят на море, а я никогда?

- На море дорого, - ответил Гриша не сразу. - Особенно в сезон. Там сейчас не протолкнуться.

- Почему никому не дорого, а мне всегда дорого?

Он вдруг засмеялся:

– Должно быть, потому, что ты мало зарабатываешь.

– А ты?! Ты много?

– И я мало, – согласился Гриша и взялся за пилу. – Но у меня всё гораздо проще. Я знаю, что не могу поехать на море, зато еду под Егорьевск, и мне отлично.

– А мне плохо, – пробормотала Маруся. Пила визжала, и он не мог её слышать.

Неожиданно, перекрывая шум пилы, что-то ахнуло неподалёку, гроыхнуло, Марусе показалось даже, что молния сверкнула, хотя небо было высоким и чистым.

Лампочка над сараем взорвалась и погасла, по доскам что-то хлестнуло, как будто песком или мелкими камушками. Хлестнуло и осыпалось. Маруся в недоумении оглянулась, и тут бабахнуло ещё раз.

– Ложись! – закричал Гриша бешеным голосом, в один прыжок оказался рядом с ней и столкнул её с забора на землю. Она повалилась, ударилась боком и сразу заплакала – так стало больно.

– Тихо! – придавливая её к земле, приказал Гриша. – Тихо!..

Ничего не было видно и слышно, и Маруся едва могла дышать.

– Пусти меня, – всхлипывая, сказала она и попыталась его спихнуть. – Мне больно.

– Марина! – закричали от дома. – Гриша! Что случилось?! Где вы?!

– Мы здесь! – крикнул Гриша в ответ. – В дом идите! Дверь закройте!

– Что?!

Гриша вскочил, дёрнул Марусю за руку, поднял её и поволок. В темноте она натыкалась на доски и брёвна, потеряла шлёпанец и ушибла палец.

Внезапно сошедший с ума Гриша влетел на крыльцо террасы, затолкал в дом Марусю и тётю Лиду, моментально погасил везде свет и приказал:

- Сидите в доме. Обе! На улицу не выходите и свет не зажигайте!

- Да что случилось-то?

Он мельком оглянулся:

- Два выстрела. Из дробовика или из мелкашки. Он сейчас должен ружьё перезарядить. В дом идите!

Тётя ахнула, подхватила Марусю и захлопнула тяжёлую «зимнюю» дверь.

- Господи помилуй, - бормотала она, - Господи помилуй...

В доме было совсем темно и очень хорошо пахло - маринадом, смородиновым листом, чистотой и чем-то вкусным. Ужином пахло, спокойствием, августовским вечером.

И только тут Маруся вдруг перепугалась:

- Тётя, что это было?!

- Стрелял кто-то, - отрывисто сказала Лида. - Я с кухни услышала!

- В нас стрелял?!

Лида быстро погладила её по голове, как маленькую:

- По дому стреляет, - как будто это могло Марусю успокоить! - Должно быть, из леса.

- Ху... хулиганы?

- Да кто ж знает, девочка! Должно быть, хулиганы. Нормальный человек разве станет из темноты по окнам палить?!

Скрипнула дверь, слабо осветился проём, и в коридоре показался Гриша. Волосы у него на голове стояли дыбом, как у Незнайки.

- Больше пока не стреляет, - сказал он. - Лидия Витальевна, нужно двери запереть. И окна, наверное.

- Сейчас, Гриш.

- И свет не зажигайте!

- Марушь, он в тебя не попал? - спросил Гриша.

- Нет, - сказала Маруся. - Не знаю. Наверное, нет.

- Неужели Валерик?! - громко спросила тётя Лида из комнаты. - Вот ведь мозга нет - считай, калека!

- А у него дробовик есть?

- Да откуда я знаю, Гришенька, чего там у него есть! Но у нас сроду никто по окнам не стрелял!

- Участковому нужно звонить. Или идти к нему! Сам я не справлюсь, - сказал Гриша мрачно. Лица его Маруся не видела. - Я в темноте... ничего не вижу.

- Куда ты собрался в такую темноту?! - возопила тётя Лида. - Не пущу! Никого никуда не пущу!.. Ещё не хватает! А если у него не дробовик, а обрез?!

- Дробью стреляли, это точно.

- Да какая мне разница, чем стреляли! Двери закрём, утра дождёмся, а там уж пойдём хоть к участковому, хоть к министру обороны!..

И никто никуда не пошёл. До полночи сидели на кухне, свет не зажигали, только луница лезла в окна, громадная, жёлтая, и от неё было почти светло. Лида положила им в миски гречневой каши и по хорошему куску мяса, они ели кашу с мясом и прислушивались. По деревне лаяли собаки, больше никаких звуков не доносилось.

Кое-как пристроились спать. Гришу Лидия Витальевна на сеновал не пустила, устроила в большой комнате на диване. Маруся была уверена, что ни за что не заснёт, но заснула тут же, едва натянула на себя одеяло.

Снились ей огромные мохнатые мотыльки, бившиеся в стену. Она отмахивалась, но их становилось всё больше и больше, а потом они начали гудеть утробными голосами всё громче и громче. Маруся закричала от страха и проснулась.

Солнце светило вовсю, было жарко, и она вся взмокла под одеялом, натянутым на голову.

Не было никаких мохнатых насекомых, за стеной дома гудели голоса.

Маруся вскочила, сморщилась от боли – палец-то она вчера ушибла, да ещё как! – и выскочила на крыльцо.

Во дворе у них шумела толпа, так ей показалось спросонья. В центре толпы громко говорила тётя, рядом с ней топтался мужик в фуражке и давешняя маленькая женщина по имени Наташа, что отбивалась от Валерика батоном, и Прокопенко-супруг что-то басил, и ещё кто-то.

Гриша – Маруся поискала его глазами – сидел на чурбаке как ни в чём не бывало и кидал в самоварную трубу шишки. Из трубы валил белый дым. Солнце пронизывало дым насквозь.

Как всегда, когда она чего-то не понимала или боялась, Маруся первым делом подумала несуразное: что-то Гриша с утра взялся самовар ставить?!

– Да вон племянницу мою чуть не застрелил! – закричала тётя, увидев на крыльце Марусю. – До смерти нас перепугал!.. Марусенька, иди сюда, девочка!

Маруся терпеть не могла никаких публичных выяснений отношений, боялась и ненавидела. С тех пор как отец однажды устроил на улице скандал из-за какой-то ерунды и вокруг собралась толпа, все смотрели и обменивались мнениями, и кто-то жалел Марусю – она тогда ещё маленькая была, – а кто-то, наоборот, отца.

Как только нужно было что-то говорить или делать на людях, на Марусю нападавал столбняк и оцепенение. Она не могла ни говорить, ни шевелиться. На студентов, которым она преподавала, это странным образом не распространялось. Студентов она никогда не боялась.

– Подойди, Маруся! – звала тётя Лида.

– Я сейчас, – пробормотала она и отступила в дом. – Я сейчас, только умоюсь...

Она долго умывалась и причёсывалась, потом ещё тянула время, выбирая из двух юбок и одной футболки, что бы такое надеть, и в конце концов дождалась. Громко топая, в дом вошёл Гриша. Она не видела его, но точно знала, что он вошёл. Дверь в её комнату была распахнута, но он постучал в косяк.

– Маруся, ты решила засесть здесь навсегда?

– Я выхожу, Гриш.

Он заглянул. Она снова причёсывалась и мотала головой. Щётка застревала в волосах.

– Этого нашего дебошира прикончили, как его, Валерика, да? – сообщил Гриша. Маруся уронила щётку. Та загрохотала. – Участковый пришёл спросить, не я ли его прикончил. А все остальные следом явились.

– Как это? – тупо спросила Маруся.

Гриша поправил на носу очки и почесал ухо.

– Лида утром пошла к участковому, сообщила, что в нас из дробовика стреляли. А он решил поговорить с Валериком, пришёл к нему, а тот убит. Дробовик рядом

с трупом валяется. Вот участковый и проверяет, что мы все делали после того, как в нас стреляли. Может, мы решили Валерика убить!

- А-а, - протянула Маруся. - А самовар ты зачем поставил?

Он пожал плечами:

- Чаю хочется. А завтракать, по всей видимости, мы будем ещё не скоро.

- Гриша, ты никого не убивал, - дрожащим голосом сказала Маруся. - Ты всю ночь нас стерёг.

Он усмехнулся:

- Откуда ты знаешь?.. Ты спала без задних ног. При этом страшно храпела, не давала мне заснуть.

Маруся вспыхнула:

- Я не храпела! Я никогда не храплю!

- Гриша! - закричали с улицы. - Маруся!

- Не переживай ты так, - сказал Гриша. - Всё обойдётся, точно тебе говорю.

И вышел. От его шагов зазвенели подвески чешской люстры, которой тётя очень гордилась.

Маруся встала на четвереньки, залезла под кровать, вытащила щётку, которая под неё завалилась, повертела её в руках, раздумывая, сунула на столик и тоже выскочила на улицу.

- ... Стало быть, вы все были дома, и никто не выходил, - говорил дядька в фуражке. - Ну, поверим на слово, а там поглядим. Граждане, чего вы столпились, расходимся по домам, расходимся, ожидаем вызова в отделение на местах.

– А что с ним случилось? – тихонько спросила Маруся у маленькой женщины Натальи. – С Валериком? Застрелили?

Та пожала плечами:

– Да, говорят, по башке дали. И сразу насмерть!..

– А где дали-то?

– Дома у него и дали! Илья Семёныч, участковый наш, пошёл к нему разбираться после того, как Лидка-то к нему прибежала, а он... того... давно готовый! Ударенный по голове в комнате лежит, возле стола.

– А чем, чем ударили?

– Да откуда ж я знаю! – вдруг возмутилась Наталья. – Не я ж его ударила! – И вдруг добавила: – Так ему и надо, злодею! Он мне, матери, говорил – утоплю твоего Димку в колодце!

– Наташ, перестань, – вмешалась тётя. – Никого он не утопит! Его самого вон как...

– А с вас, юноша, я подозрений не снимаю, – строго сказал участковый Грише. – Вы это поимейте в виду.

– Ладно, что ты говоришь, Илья Семёныч! Мало ли кто его шибанул! Да это не наши, наши все тут годами живут, и никто никого... – разом заговорили тётя и маленькая Наташа, а Прокопенко-супруга отчётливо зафыркала, выражая негодование.

– Ти-ха! – гаркнул участковый. – Что за птичий базар! Лидия Витальевна, веди меня, буду лампочку разбитую изымать, и дробь тоже! А вы, граждане, по домам расходитесь! Из Егорьевска вскоре приедут, из убойного отдела. Всех опрашивать будут.

– Убийство, – сказал Прокопенко себе под нос. – До чего докатились!

– Жалко, – вдруг протянула Наташа тонким голосом. – Человек всё же, живая душа.

– Да ну, – махнул рукой Саня, которому Валерик испортил шины. – Какой он человек! Погань мелкая, а не человек.

– А всё равно жалко...

Постепенно все соседи разошлись, и Гриша с Марусей остались одни.

– Завари чай, Марусь.

– А?.. Сейчас, конечно.

Не переставая думать о случившемся, Маруся живо собрала на поднос чашки, хлеб, колбасу, поставила на огонь воду, чтобы сварить яйцо – Гриша очень любил яйца вкрутую, – и вернулась во двор.

Из-за угла показались тётя и участковый. Он нёс в руке полиэтиленовый прозрачный пакет, в котором что-то болталось.

– Сядь, попей с нами чайку, Илья Семёныч, – предложила Лида. – Гляди, пакет у тебя порвался!

– Как ему не порваться, когда там стекляшки! – обиженно сказал участковый, как будто тётя Лида была виновата в том, что там стекляшки.

Он аккуратно пристроил пакет на поленницу, снял фуражку, зачем-то дунул в неё и боком сел к столу.

– Одно другого чище, – пожаловался он. – То туркмены с киргизами точки не поделили, то дачника по башке шарахнули! Знал бы я, что такая работа собачья, остался бы в армии на сверхсрочной, чего лучше! Сыт, обут, одет, всегда при начальстве! А ему виднее, начальству-то!

– Может, наливочки? – предложила Лида. – Как раз во вкус вошла! Вчера её процедила и в холодильник поставила. Малиновая!

– Куда там наливочки, одиннадцать только!.. А! – И участковый сплюнул в песок. – Тащи! Где наша не пропадала!..

Лида метнулась в дом и вынесла длинногорлую зелёную бутылку и две узкие гранёные рюмки на ножках.

Участковый покосился на бутылку.

– Ты налей и спрячь, – велел он. – А то ведь я ненароком... того... норму превышу...

Тётя налила в обе.

– Ну, за упокой, что ль, души! – Участковый опрокинул наливку, нашарил на тарелке бутерброд и откусил сразу половину, как отрезал.

– И чайку, чайку, – подсказала тётя Лида. – У меня чай хороший, вон ребята привезли из Москвы, дорогой, английский.

– Чай не водка, много не выпьешь.

– Что же получается, – вдруг сказала Маруся. – Валерик залез в овраг, стал стрелять по нашему дому. А потом пошёл к себе, и его там убили. Так, что ли?

– Кто его знает как, – ответил участковый с набитым ртом. – Должно быть, так. Стол у него был накрыт, гостей каких-то, видать, ждал. А может, и не ждал, может, раньше гости были! И накрыто так... деликатно!

– Что значит – деликатно? – не поняла Маруся.

Участковый повёл толстой рукой с зажатым в ладони бутербродом:

– Ну, красиво! Вот как у вас прям! Чашки с блюдцами. И портвейн сладкий, и конфеты в коробке. Может, жена его должна была приехать, кто её знает.

Маруся смотрела на него очень внимательно и пыталась соображать быстро:

– Из чашек пили?

– А чего ж из них ещё делать-то?! Пили, конечно. Ну, Лидусь, давай вторую, и пойду я этих гавриков из убойного ждать, егорьевских-то. Чует моё сердце, замордуют они меня!..

– То есть из чашек пили, из тарелок ели, да? – уточнила Маруся.

– Так точно, – вздохнув, согласился Илья Семёныч и опрокинул вторую. Сожаление и боль отразились на его лице. Должно быть, тётя это заметила, потому что ловко налила отставленную рюмку до самых краёв, поднялась и унесла бутылку в дом.

– Святая женщина, – прочувствованно сказал участковый. – Женился бы, если б не Тамарка моя.

Гриша жевал ломтик колбасы, положенный между двумя половинками огурца, хрустел и улыбался.

... Чему он улыбается? Марусе этот самый участковый совсем не нравился.

– То есть Валерик сначала стрелял в нас, а потом с кем-то пировал?

– Или наоборот, – подсказал Гриша. – Сначала пировал, а потом стрелял.

Участковый согласно покивал.

– А сейчас у него дома никого нет?

– Труп там его собственный есть, – вздохнул участковый. – Пока штукари из Егорьевска не явятся, трогать ничего не моги!

– А когда его убили? – продолжал спрашивать Гриша.

– Да я ж тебе не медицина, точно не скажу! Но давно уж, должно быть, вечером, не поздно.

– Да его кто угодно мог убить, – энергично жуя, сказала Лида. – Мало ли! Нет, не из наших, конечно! Но он ведь такой... говённый мужичонка был! Небось многим людям кровь портил, не только нам! Может, из Москвы приехали, да и... Наподдали ему как следует.

– Следов борьбы нету, – уточнил участковый.

– Может, картошки нажарить? – предложила тётя Лида. – У меня холодная есть!

– Под картошку-то опять выпивать придётся, а я на службе, – посуровел участковый. – Ну, оставайтесь на местах, ребята. Деваться некуда, теперь всем показания давать надо!

Он повздыхал, напялил фуражку, предварительно в неё дунув, забрал с поленницы пакет и ушёл за калитку. Маруся обратила внимание, что обут он не в форменные ботинки, а в зелёные резиновые шлепанцы без задников.

– Гриша, – начала Лидия Витальевна, как только участковый скрылся, – ты ни о чём не переживай и не беспокойся. Мы точно знаем, что ты всю ночь был дома и никуда не отлучался.

– Особенно хорошо это Марусяка знает, – улыбнулся Гриша.

– Я никогда не храплю!

– Нет, конечно.

– Гриш, мне не нравится, когда ты надо мной издеваешься.

– Кто над кем издевается? – спросила тётя Лида. – Кто храпит? Мы были дома, спали, и никто из нас никуда не выходил.

– Лидия Витальевна, понятно, что я не убивал этого человека. Но нужны какие-то... доказательства. А у нас никаких доказательств нету, кроме Марушкиного храпа!

- Я не храплю!

- Какие доказательства? - вскинулась тётя Лида. - Ещё не хватает!.. Ничего мы не должны никому доказывать!

- Это только так кажется.

- Гриш, - испугалась Маруся, - может, нам в Москву уехать?

- Гениальная мысль.

Он налил себе чаю, отхлебнул и сказал:

- Лично я никуда не поеду.

- А если они к тебе будут приставать?

- Кто?

- Да эти... штукарки из Егорьевска?!

- Значит, придётся доказать им, что я никого не убивал.

- Вот это правильно, - вдруг с чувством сказала тётя, и Маруся от неожиданности выронила ложку. - Вот это верно, сынок. А про доказательства я не подумавши сказала! Чего это мы будем ни с того ни с сего от людей бегать, когда мы ни в чём не виноваты?! Он вон в Маруську стрелял! Я чуть не умерла со страху! И ты тоже хороша, - укорила она племянницу. - Давай, говорит, уедем!.. Отец мне все уши прожужжал, какая ты великая сыщица! А ты сразу хвост поджала!

- Тебе папа так сказал? - спросила поражённая Маруся. - Что я великая сыщица?!

- Да не то что сказал! Сказал! Он то и дело про твои подвиги толкует и про аналитический ум!..

В это Маруся уж никак не могла поверить!..

Отец считал её дурёхой и размазнёй. И огорчился, что дочь у него такая размазня и дурёха, Маруся сочувствовала ему, понимала, что не удалась ни в каком отношении, никаких надежд его не оправдала! Вон шторы постирала, а в доме всё равно пылица!.. Она постоянно мечтала стать необыкновенной – красивой и умной, как профессорская внучка Агриппина, с которой Маруся недавно познакомилась. Агриппина была ловкой, деловитой, острой на язык и красавица необыкновенная, как из журнала. Такой дочерью папа наверняка бы гордился.

Нет, тётя Лида говорит что-то невозможное. Должно быть, она неправильно поняла отца. Да и вообще – странный какой-то разговор у них получается! Тётя предлагает им с Гришей приняться за расследование, что ли? И это тётя Лида – образец здравомыслия!

– Надо с людьми поговорить, – продолжала образец здравомыслия. – Наверняка кто-то что-то видел, слышал, но, может, внимания не обратил. Пока ещё эти из Егорьевска приедут, мы что-нибудь да разузнаем.

Маруся неуверенно засмеялась.

– Тётя, ты, оказывается, авантюристка.

– Да где мне! Гриш, кто вчера Валеру по зубам двинул?

– По зубам – никто, – сказал Гриша. – А в солнечное сплетение – мужик какой-то незнакомый.

– Константин, – подсказала Маруся.

Тётя подумала немного:

– С метеостанции, может? Или из лесничества? Оттуда иногда в магазин приезжают. За водкой, за хлебом. Продавщицу Зинку можно спросить. Она тут всех знает.

– Расспросить можно, – задумчиво протянул Гриша, – только вряд ли мы что-нибудь узнаем, Лидия Витальевна. Если это свои постарались, нам всё равно никто не признается, а если кто-то из города приезжал, этого не установишь. Дом Валерика на дороге самый первый, если и была какая-то машина, дальше его участка она не поехала.

– Хорошо бы узнать, чем его стукнули, – вступила Маруся. Её сыщицкий азарт, немного струсивший поначалу, теперь оживился и стал понемногу выбираться наружу. – Прикладом дробовика, из которого он по нашему дому стрелял? Или ещё чем-то?

– Эх, надо было у Ильи Семёныча спросить! – посетовала тётя. – Он мужик хороший, только на вид бестолочь. Он бы мне сказал по старой дружбе.

– Если у Валерика стол был накрыт, значит, он ждал гостей, правильно? – Маруся поднялась и стала ходить по траве, слегка прихрамывая – палец вчера сильно ушибла! – Или гостя. И что получается? Допустим, гость приехал, и они стали ужинать или чай пить...

– С портвейном, – подсказал Гриша.

– Ну да, с портвейном! А потом Валерик подхватился и помчался в лес из дробовика стрелять? А гость ждал, пока он постреляет?

– Или гостя, – опять подсказал Гриша.

– Ну да, гостя. Потом Валерик вернулся к столу, и этот гость или гостя его... убил. Так?

– Чепуха какая-то, – заключил Гриша.

– Точно чепуха, – подтвердила тётя Лида. Глаза у неё блестели.

– Тётя, ну ты-то что? – взмолилась Маруся. – Ты же такая осторожная! Когда я на электричке в Москву собираюсь, ты мне покоя не даёшь, каждый раз с меня слово берёшь, что я в тамбуре не поеду и у окна не сяду! И в тамбуре опасно, и у окна опасно!.. А сама что?

– А что я? – воинственно спросила Лида. – Разве я не человек? Человек, да ещё баба! И знаешь, какая любопытная? А тут такое дело! Убийство, да прямо у меня под носом. И от Гриши нужно подозрения отвести, мало ли чего там они надумают, егорьевские-то сыщики!

Маруся ещё немного походила по траве.

– Давай твой палец пластырем заклеим, – предложил Гриша, наблюдая за ней. – Или бинтом замотаем...

– Гриш, давай лучше в магазин сходим, шут с ним, с пальцем, – перебила его Маруся. – Тётя, чего нам надо? Соли полно, хлеб Гришка вчера привёз!

– Сахару надо, – моментально отозвалась тётя. – Килограмма три возьми, не меньше. Компоты будем крутить. Бутылку водки надо, я бы наливки ещё зарядила, у нас груши пропадают. Тортик вафельный возьми, только если свежий.

Гриша ушёл в дом и вернулся с йодом и пластырем. Через плечо перекинута полотенце. Он налил в таз немного кипятку из самовара, добавил холодной воды из колонки и поставил таз перед Марусей. Тётя Лида наблюдала.

– Суй туда ногу, – велел он.

– Зачем?! – изумилась Маруся.

– Ампутировать буду, – буркнул Гриша. – Больная, на стол!

Маруся села на лавку и опустила ногу в таз. Гриша, крепко взяв её за щиколотку, побултыхал ногой туда-сюда, вынул, поставил на край скамейки и тщательно вытер полотенцем.

– Надо йодом сетку нарисовать, – посоветовала тётя Лида.

– А рожу можно нарисовать?

Он помазал Марусин палец, заклеил пластырем и вознамерился было забинтовать, но она воспротивилась:

- Гриш, у меня тогда нога ни в одни босоножки не влезет!

- Наденешь кеды.

- И в кеды не влезет!

- Мои наденешь.

- Да ну тебя! Не нужно мне никакого бинта!

Но он всё равно забинтовал, конечно.

Втиснувшись в кеды, Маруся поняла, что так значительно лучше и совсем не больно, но говорить об этом Грише не стала. Во-первых, он сказал, что она всю ночь храпела, а во-вторых, обращается с ней как с подружкой по пионерлагерю, а не со взрослой девушкой.

... Во всём виноват тигр Васька, вот что! Тигр Васька, на котором они плавали в Северке и который очень быстро порвался. У Гриши тогда были синие трусы с белой полоской, а у Маруси розовые с оборкой. Никогда и ничего романтического не получится у людей, которые в синих и розовых трусах плавали вместе на тигре!..

Гриша нацепил рюкзак, а Маруся пересчитала в потайном отделении кошелька бумажки - их было и осталось три.

- Может, на мотоцикле поедем? Тем более у тебя палец болит.

- Ой, Гриш, давай лучше пешком, а? Смотри, красота какая! Последние тёплые дни, а потом...

- Знаю, знаю, потом дожди зарядят!

Лида проводила их до калитки, посмотрела вслед. Они шли вдоль улицы: очень высокий и худой Гриша и крепенькая Маруся, едва достававшая ему до плеча, – и громко разговаривали.

Лида вздохнула, вернулась в дом и разыскала свой мобильный телефон, засунутый за ненадобностью на этажерку за горшок с геранью. Она набрала номер, послушала, и лицо у неё стало серьёзным.

– Я всё сделала, – сказала она, когда ответили. – Как и договаривались. Хотя на это много времени ушло, и вообще всё не так получилось, как мы планировали. Посмотрим, что из этого выйдет. Слишком опасно.

– Значит, мы хотим доказать, что ты никак не мог убить Валерика, – рассуждала Маруся на ходу. – Нет, ну это и правда смешно, но ведь они не знают, что ты на подобное не способен.

– Кто они и на что я не способен?

– Ну, эти, из Егорьевска. Специалисты по сыску, – Маруся состроила уважительную мину. – Они же не знают, что ты убить в принципе никого не способен! И нам нужно...

– По-моему, – перебил Гриша, – убить способен любой человек. В принципе.

Маруся сбоку взглянула на него – похоже, он не шутил.

– Гриш, ну что ты говоришь? Ты хочешь сказать, что можешь убить? И я тоже? И тётя?!

– Думаю, да. Я даже уверен, что да!.. Если кто-то станет всерьёз угрожать жизни моих близких и я смогу придумать, как это сделать, чтобы меня не поймали, я убью.

– С ума сошёл? Или ты шутишь?

– Не сошёл и не шучу. Я утверждаю, что «налёт цивилизации» гораздо тоньше, чем кажется. Мы себе льстим, когда называемся цивилизованными людьми. Я не

более цивилизован, чем первобытный человек, который защищает свою пещеру. Если в неё лезет другой первобытный человек – чтобы занять место посуше, разmozжить голову моему ребёнку, изнаsilовать мою жену, а потом столкнуть её с обрыва, – я дам ему дубиной по голове. Чтобы он ничего этого не сделал. Объяснять ему, что он неправильно себя ведёт, я не стану. Мне будет некогда.

Маруся смотрела на него, чуть не открыв рот.

Он передразнил её.

– То, что я умею читать, считать и гоняю туда-сюда формулы, ничего не означает! Вернее, это означает только, что я умею читать, считать и знаю физику. Во всём остальном я по-прежнему ужасающе первобытен. И я в этом уверен.

– То есть ты ничем не отличаешься от тех питекантропов, которые подрались на переезде? Помнишь, тётя рассказывала?..

– Отличаюсь, конечно! Питекантропы дрались не за жизнь близких или свою собственную, а за кусок тухлого мяса!.. У меня хватит мозгов придумать, как добыть это мясо, ни у кого его не отнимая.

– Ты рассуждаешь... странно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: <https://tellnovel.com/ru/tatyana-ustinova/vechnoe-svidanie>

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)